

Unka, Więska, даже именно форму *Wojka*¹. Можно предположить, что запись *оу* влицина попурина вместо *оу* кончина — это притяжательное производное от имени *войка* с основой на -а.

Окончание -*ši* (стр. 127) формы 2-го лица единственного числа находится в грамоте № 8, кроме *едши*, еще в ошибочном написании *ожадочши* (может быть, вместо *ожадчши*, т. е. *ожадлучши*?). Из других грамот у меня только еще один пример: *виши* (№ 59, XIII—XIV вв.) вместо *кѣши* под влиянием -*ши* или -*шь* основ на -е, -і. Окончание -*шь* засвидетельствовано тоже только три раза: *сѣдшиъ*, *варнишъ* (№ 3, XIV в.), *сдѣшиъ* (№ 30, XIV в.). Примеров мало, но можно предполагать, что более старое -*ши* > -*шь* в XIII—XIV вв.

Для формы 3-го лица единственного числа (стр. 128), кроме *прдѣтъ* (№ 40), *не кѣдасть* (№ 9), *не дасть* (№ 5), в других грамотах еще имеются примеры: *коеспрдѣтъ* (№ 68), *кѣдаѣтъ* (№ 61), *сѣтъ* (№ 19). Окончание последней формы -*тъ* записано нечетко; возможно, что здесь надо читать *сѣтъ* вместо *сѣтъ*. В других грамотах много форм без окончания -*тъ* в основах на -е: *повѣде* (№ 53), *прдѣ* (№ 43), *идѣ* (№ 18), *сдѣ*, *кѣде* (№ 10), *кѣде* (№№ 18, 19), *хѣде* (№ 19), *кѣе* (№ 97) и особенно любопытно *соцѣтѣса* (№ 45) в связи с приведенным выше примером *угодни* вместо *угодить се* (№ 21) основ на -і.

П. С. Кузнецов допускает возможность объяснения формы *кѣдасть* (№ 9) и *дасть* (№ 5) как 3-е лицо ед. числа наст. времени (стр. 131—132), что более вероятно, чем 3-е лицо ед. числа аориста. Бесспорные примеры аориста представлены только в школьной шутке (№ 46): *писа*, *каза*, *цита* и, кажется, еще (*с*)*очита* (№ 7). Запись *изкивъ роукы* (№ 9) является сочетанием причастия с формой родительного падежа в значении «нарушив законный договор»². Это достаточно ясно показывает сравнение с древнепольским значением слов *wybić*, *ręka*. Новая догадка Л. А. Булаховского, видящего здесь ошибочную запись вместо из *истыки*, по моему мнению, невозможна.

Подробный синтаксический анализ В. И. Борковского не вызывает никаких сомнений. Любопытную оппозицию родительного падежа собственных имен рядом с винительным падежом личных и одушевленных существительных, кроме примеров В. И. Борковского на стр. 154, находим еще в других грамотах: *приниши ми цдоуѣкъ на жерѣцѣ* (№ 43), *нино надѣти дѣрланиши* (№ 19), *на конь пале* (№ 20), *по в собственных именах: дакъда оидѣ* (№ 33), *на стефана* (№ 92). Это явление отмечено Л. П. Якубинским (стр. 184) в повгородской летописи: *на аять свой ярослава*.

Я заметил только следующие опечатки: 1) стр. 53, 88, 195 *дожди* вместо *дожди* (№ 9); 2) стр. 81 *къ васнакън* вместо *къ васнакън* (№ 9); 3) стр. 113 *до углаца* вместо *до углаца* (№ 69). Вообще же книга издава прекрасно.

В. П. Курашкеев

О КРЫЛАТЫХ СЛОВАХ

(По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукных «Крылатые слова»³)

Так называемые крылатые слова относят обычно к той еще недостаточно ясно очерченной сфере языка, которую именуют фразеологией. Впервые вопросы фразеологии как языковедческой дисциплины, имеющей свой специфический объект изучения, на русской почве широко были поставлены и освещены В. В. Виноградовым. К сожалению, большинство последующих работ в области фразеологии не развивало данных им положений и пока что не внесло ничего теоретически нового. Даже наоборот. Лишь формально следуя положениям В. В. Виноградова, многие работы (под влиянием традиционных учений об идиомах — необходимых буквально на другой язык оборотов речи — и метафорических словах) необычайно расширяют объем фразеологии и вносят еще большую неопределенность в ее изучение. В результате границы фразеологии, ее объем, ее типические разновидности и структурные особенности — все эти вопросы нельзя считать окончательно разъясненными. Ясно, конечно, что теоретическая неопределенность не может содействовать успеху словарных начинаний в области русской фразеологии. Пример тому переводные русские фразеологические словари, издаваемые с чисто практической целью, например, в Чехословакии. В то же время мы бедны и собраниями фразеологических материалов, которые могли бы служить базой теоретических работ.

¹ См. W. Taszycki, Najdawniejsze polskie imiona osobowe, Kraków, 1926, стр. 51.

² См. мою статью «Polska lekcja najstarszego listu ruskiego od Gostiaty do Wasyla», («Język polski», roczn. XXXVI, № 3, 1956).

³ Н. С. Ашукных, М. Г. Ашукных, Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения, М., 1955.

Наша отечественная словарно-фразеологическая практика искала образцов в книгах С. В. Максимова («Крылатые слова», СПб., 1890; 2-е изд. — 1899)¹ и М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний», тт. I и II (б. м. и г.). Таковы, например, послереволюционные книги С. Г. Займовского («Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма», М. — Л., 1930) и В. З. Овсянникова («Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии», М., 1933), представляющие собой собрание разнородного, случайно объединенного материала.

Сборник Н. С. и М. Г. Ашукиных занимает особое место в ряду подобных отечественных изданий. Книга отличается определенностью объекта собрания. Это «крылатые слова» в собственном классическом смысле, т. е. в смысле термина, служящего после выхода книги Г. Бюхмана «Крылатые слова» (G. Büchmann, *Geflügelte Worte*, Berlin, 1864) для обозначения одной из сфер фразеологического состава языка. К «крылатым словам» в этом смысле относятся вошедшие в общую речь и употребляющиеся в ней как цитаты выражения и отдельные фразы из литературных произведений старого и нового времени; выражения, возникшие на почве литературных контекстов и как бы конденсирующие в себе основной смысл этого контекста; изречения исторических лиц, а также получившие символический смысл названия исторических фактов и мифологических событий, личные имена исторических, мифологических и литературных персонажей и т. п. В готовом виде эти выражения входили в общий язык и использовались в нем как переносно-обобщенные выразительные характеристики общественных, бытовых и психологических явлений. Однако, как мы увидим, не все такие выражения равноценны по своей функции в языке.

«Крылатые слова» объединяются не только «этимологически» — литературным в широком смысле происхождением. Их, в отличие от других фразеологических средств языка, объединяет отсутствие специфических «своих» структур. Так, их синтаксические структуры индивидуальны в том смысле, что они могут представлять собою и словосочетание, и простое предложение, и сложное предложение, и кусок простого или сложного предложения, и, наконец, отдельное слово. «Крылатые слова», включенные в речь, могут быть и синтаксически независимы, и входить составным элементом в синтаксическую структуру. Их «цитатная» цельность может сохраняться, а в иных случаях нарушаться в зависимости от контекста включающей речи. Со стороны значения «крылатые слова» как особая выразительная категория в речи объединяются тем, что каждое выражение обладает индивидуальностью и смысловой насыщенностью, неотделимой от ассоциаций с контекстом произведения, с исторической эпохой, породившей выражение, с печатью «авторства». Именно подобные «крылатые слова» различного происхождения — русского, западноевропейского, библейского, античного — и являющиеся основным составом книги Н. С. и М. Г. Ашукиных.

Книга Н. С. и М. Г. Ашукиных — труд не одного десятилетия. Труд этот предполагает не только прекрасное знание литературы, исторических и конкретных общественно-бытовых отношений прошлого и современности, но и непосредственное знание отражений в общей речи контекстов литературы и истории. При отсутствии хороших предшественников только собственный языковой опыт собирателя мог подсказать пути отыскания «крылатых слов» и обеспечить известную степень полноты материала и его объективности.

Авторы несколько преувеличивают, говоря в предисловии, что запас «крылатых слов» неисчерпаем. Это не совсем верно, если иметь в виду не случайные, единично употребленные цитаты, а выражения, получившие действительно широкое хождение. А они при широком изучении источников, соединенном с личным языковым опытом, могут быть выявлены с известной степенью полноты. Во всяком случае собрание Ашукиных — первое по своей полноте. Наряду с широко известными по сборникам «крылатыми словами», возникшими в XIX в., в книге впервые собраны в большом количестве выражения предреволюционной поры. Широко представлены и выражения из общественно-политических и литературных произведений советской эпохи, ставшие общепризнанными: *лучше меньше да лучше, всерьез и надолго, догнать и перегнать, железный занавес, люди доброй воли, жизнька в деле, путевка в жизнь, время вперед, молодая гвардия* и многие другие. Проверить полноту настоящего сборника можно, проделав работу такого же масштаба, что и авторы. Без подобной работы только случайные находки (вроде пропущенных литературных выражений *делать из мухи слона, трагик поневоле, столпы общества, беспокойный человек, дешево и сердито* и, может быть, некоторые другие) могут дополнить богатое собрание Ашукиных. Лишь новые и специальные разыскания в состоянии действительно усовершенствовать это собрание в отношении полноты.

Как уже отмечалось, не все указанные выражения равноценны. Поэтому само понимание «крылатых слов» нуждается в уточнении. Где граница между «крылатостью» и простым цитированием или образным употреблением слова в поэзии?

¹ Переведена Гослитиздатом с послесл. и примеч. Н. С. Ашукина (М., 1955).

Материал книги показывает, что, исключая многие библейские по происхождению выражения и некоторые античные, о времени проникновения которых в общий язык нужны особые разыскания, основной состав «крылатых слов» складывался и сложился в течение XIX и начала XX вв., и этот состав пополняется в наши дни новыми выражениями, во многих случаях еще нуждающимися в проверке временем.

Возникшие в разное время и употреблявшиеся в общей речи на протяжении XIX—XX вв. «крылатые слова», представленные в книге Ашукиных, неравноценны по устойчивости, употребительности, типичности. По удельному весу в составе общего языка современности, да и XIX в., они очень различны.

Прежде всего надо сказать, что некоторые цитаты, приведенные в книге, вообще сомнительны как «крылатые слова». Ведь нередко пишущие по ходу своей мысли, чтобы иллюстрировать ее сжатым резюме или яркой характеристикой, приводят цитату. Таковы, например, цитата из Пушкина «Мечты поэта, историк строгий гонит вас!» в статье Н. А. Добролюбова, цитата из Жуковского «В боренье с трудностью силach необычайный» в письмах Пупкина, цитата из И. И. Дмитриева «Мышенок, не выдавший света» в статье Н. К. Михайловского, цитата из Некрасова «И вот они опять — знакомые места» в повести Лескова «Смех и горе», цитата из Пушкина «И хором бабушки твердят: как наши годы-то летят» в статье Белинского и т. п. Подобные цитаты, хорошо известные читателю-современнику, вызывают нужные ассоциации и тем самым вполне отвечают своему назначению в каком-нибудь данном индивидуальном контексте, но вне его лишены обобщенно-переносного содержания. Вряд ли подобные цитаты следует рассматривать как «крылатые слова», вошедшие или входившие в общий язык.

От этих случаев следует отличать цитаты или выражения, исторически ограниченные, популярные в свое время и поэтому хорошо понятные как «крылатые слова», метко характеризовавшие общественные явления своего времени. Они могли долго сохраняться у людей старшего поколения, лишь частично передаваясь поколениям новым. Это понятно. От поколения к поколению менялся круг чтения, популярные в свое время второстепенные произведения литературы забывались, многие популярные цитаты из произведений крупных деятелей становились неактуальными, кроме того, уходили в прошлое события и отношения, вызвавшие появление модного для своего времени выражения. Этот слой «крылатых слов» занимает довольно значительное место в книге Ашукиных. Почти до наших дней зарегистрировали Ашукины употребление таких выражений и крылатых цитат, как «Чем ночь темней, тем ярче звезды» (Майков), «То кровь кипит, то сил избыток» (Лермонтов), «Жертва общественного темперамента» (Прудон), «Живи и жить давай другим» (Державин), «Еи достанет» (Салтыков-Щедрин), «Есть упоение в бою» (Пушкин), «Она исчезла, утопая в сиянье голубого дня» (Туманский), «Блудница вавилонская» (из Библии) и многие другие. Конечно, не всегда легко в отдельных конкретных случаях провести границу между цитатами, о которых говорилось выше, и этим слоем исторически ограниченных «крылатых слов». Однако последние несомненно сыграли известную роль в обогащении общего языка выразительными средствами, они встречаются в произведениях, известных современному читателю, и помещение таких «крылатых слов» в сборник вполне оправдано.

Наиболее значительное место занимают и представляют наибольший интерес собственно «крылатые слова», выдержавшие испытание временем. Их подавляющее большинство из текстов классической литературы, Библии, мифологических преданий. Они различны по форме употребления, но устойчивы по смысловой функции и обычно органически входят в синтаксическую структуру речи. Одни из них — застывшие предложения, цитирующиеся в неизменном виде. Это такие, как «Место под солнцем», восходящее к Паскалю, «Благуя часть избрать», восходящее к евангельскому тексту, «Благодарю, не ожидал» писателя В. А. Сологуба, «Без руля и без ветрил» из лермонтовского «Демона», «Вот придет барин — барин нас рассудит» из Некрасова, «Рыльке в пуху» из Крылова и многие подобные. Другие представляют собою не подлинные цитаты, а сращения, в краткой форме концентрирующие смысл того или иного контекста или произведения: «Блохуподковать», созданное на основе рассказа Н. Лескова «Левша», «Бесплодная смоковница», «Бросать камень или камень в кого-н.» из библейской легенды. Иные, особенно устойчивые по смыслу, допускают создание в речи перифраз, непосредственно связанных с цитатым выражением. Такого типа, например, пушкинское «Да здравствует солнце, да скроется тьма», евангельское «Да минует меня чаша сия» и многие другие. Характерна своеобразная лексикализация выражений, делающая их выразительным синонимическим средством языка: «Мне остается только посылать пеплом главу и хранить гробовое молчание», пишет в письме А. П. Чехов, «Выйдя в отставку, я сожгу свои корабли. Оставаясь на службе, я ничего не теряю» из «Анны Карениной» Л. Толстого.

Этот слой собственно «крылатых слов» всегда двупланен: смысловое содержание «крылатого слова» тем и характерно, что непосредственно связано с принадлежностью определенному автору, с общей идеей контекста или историческим фактом, породившим выражение; вместе с тем, чем обобщеннее значение «крылатого слова», тем меньше в нем сохраняется оттенков, связывающих его с представлениями об авторе, о коло-

рите контекста или эпохи. При совпадении же по форме со структурными типами фразеологии языка они еще легче освобождаются от «авторских» ассоциаций и входят в ряды «безымянных» фразеологических единиц языка. Только начитанность, а сплошь и рядом лишь специальные разыскания могут обнаружить «авторство» выражений: *административный восторг, безгрешные доходы, галантерейное обожжение, дачный муж, белая ворона, жалкие слова, буржуазные предрассудки, кисейная барышня, золотая молодежь, бывшие люди, у разбитого корыта, человек в футляре* и т. п. Ляпы всякого библейского колорита выражения *грехи молодости, власти предержащие, злоба дня, благословение вавилово, камень преткновения, знамение времени, камня на камне не оставит* и многие подобные. Раскрытая история отдельных «крылатых слов», ставших или становящихся с течением времени родовыми фразеологическими единицами языка, представляет наибольший интерес для языковедения, для истории словарного состава русского литературного языка.

Перечисленные типы выражений составляют основу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных. Органически в нее входят и другие разновидности «крылатых слов». Наиболее многочисленная из них — собственные имена, в числе которых названия литературных, мифологических и иных персонажей, исторических событий и т. п., получивших в общей речи обобщенно-образный смысл и употребляющихся то в сравнениях, то в качестве синонимических обозначений соответствующих явлений (*Альфонс, Буффал, Автомедон, Амфирион, Ганимед, Гарпагон, Голяш, Вениамин, Рокамболь, Дон Жуан, Хлестаков* и многие другие). К этому разряду по функциям примыкают известные выражения типа *Ариаднина нить, Аннибалова клятва, Дамоклов меч, Сизифов труд* и т. п. Подобно тем типам «крылатых слов», о которых говорилось выше, не все они исторически равноценны, не все одинаково устойчивы и популярны. Введение большинства из них может быть оправдано чисто справочными соображениями.

С точки зрения истории словарного состава русского языка целесообразно было включение в сборник слов, созданных отдельными писателями или получивших в литературных контекстах новые смысловые оттенки. Это такие слова, как *щедринские благоглупости, головопая, чумазый, толстовское образуется* и др. Репертуар этих слов в книге, по-видимому, далеко не полный (нет даже таких, как общеизвестные *нигилизм, стусеваться*), что нельзя поставить в особенную вину составителям, так как исследования в этом направлении почти не ведутся.

Особое место по своей структуре занимают описательные обозначения общественных явлений, событий, понятий, являющиеся продуктом индивидуального творчества. Они представляют собою не столько образную, сколько оценочную характеристику тех или иных явлений. Таковы, например, такие, как *генеральная репетиция Октябрьской революции* (о революции 1905 г.), *великий пошол* (о первом коммунистическом субботнике), *географическое понятие* (первоначально Меттерних об Италии) и т. п. Этот раздел мог бы быть значительно расширен выражениями подобного типа, возникшими в советское время.

В русский язык вошло немало «крылатых слов» — переводов с латинского, французского и других языков. К ним относятся такие, например, общепринятые, как *разделяй и властвуй* (лат. *divide et impera*), которые прочно вошли в русский язык. Иные, как, например, *ищите женщину* (франц. *cherchez la femme*), менее обычные в переводе. Помещенные же в книге переводы *здесь стою, здесь останусь* (франц. *j'y suis, j'y reste*), *быть более royalistom, чем король* (франц. *être plus royaliste que le roi*), *без гнева и пристрастия* (лат. *sine ira et studio*), *так проходит слава мира* (лат. *sic transit gloria mundi*) не являются русскими выражениями. Если они и употребляются в русской речи, то без перевода. Употребительные в русской речи иноязычные выражения могли быть, конечно, учтены, но в особом приложении, как это сделано в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова.

Структура книги Н. С. и М. Г. Ашукиных, методы обработки материала вполне удовлетворяют научным требованиям. Толкования слов и выражений не имеют единого трафарета, но всегда содержат указание на источник выражения и на значение его, характер употребления в речи. Лишь в единичных случаях не раскрыт источник (*печальник горя народного, бумага все терпит* и некоторые другие). Часто указание на источник представляет собою историю выражения, установленную в результате большого самостоятельного исследования (см., например, *белая аравия; место под солнцем; так было, так будет; международный жандарм; разбойники пера; министерская чехарда* и многие другие). Авторы привлекли огромную литературу для установления источников выражений. На русской почве они впервые раскрываются с такой тщательностью и полнотой. Безусловно, впоследствии могут быть найдены новые материалы, вносящие коррективы и уточнения в данные, собранные авторами. Но нет сомнения, что этот труд ляжет в основу всех последующих разысканий. В настоящем издании недостаточно раскрыта хронологическая сторона. В особенности желательны указания на время появления в общей речи выражений, на время их наиболее раннего употребления.

Важнейшей частью книги являются иллюстрации употребления «крылатых слов» в русской литературной речи от начала XIX в. до наших дней. Цитатный материал для

«крылатых слов», впервые с такой полнотой собранный Н. С. и М. Г. Ашукиными, представляет большой интерес. Помимо чисто познавательного значения для широкого читателя, он может явиться исходной базой для исследования в области одного из разделов русской стилистики — стилистической роли «крылатых слов» в речевой структуре различных жанров русской литературной речи. К сожалению, при некоторых выражениях совсем отсутствует цитатный материал, а при многих он недостаточен для характеристики употребления.

Мы не останавливались на мелких недочетах и неточностях. Мы хотели оценить книгу в целом. Несомненно, что правильное определение объекта материала, подлежащего сборанию, позволило авторам создать книгу научно ценную. Основные критические выводы и пожелания вытекают из нашего предшествующего изложения. Особенно хотелось бы обратить внимание авторов на необходимость внутренней дифференциации материала по употребительности различных групп и разделов «крылатых слов», для чего потребуется, в частности, привлечение нового иллюстративного материала. Особенно это важно для правильного ориентирования широкого читателя.

Как всякая хорошая словарная работа, книга Н. С. и М. Г. Ашукиных представляет собою сочетание научного исследования и популярного пособия.

Как исследование она доставляет богатый материал истории русского литературного языка в области словарного и фразеологического состава XIX—XX вв., а также русской современной и исторической стилистики.

Как популярное справочное пособие она принесет незаменимую практическую пользу широкому читателю, интересующемуся русской речью, учителям, журналистам, общественным работникам*. Действительно, конкретные исторические условия возникновения и бытования многих «крылатых слов» забыты, а между тем знание этих условий содействует правильному пониманию выражений в литературных и публицистических произведениях и правильному их употреблению. Приложенный к книге словоуказатель облегчает нахождение нужного выражения.

С. И. Ожегов

* В редакцию журнала поступил еще отзыв на книгу Н. С. и М. Г. Ашукиных, составленный М. И. Имшениным (г. Иваново).

В отзыве также дается общая положительная оценка сборнику и отмечается большая познавательная ценность этой книги для широкого круга читателей. Основное же содержание отзыва составляют многочисленные (до 200) критические замечания по поводу отдельных крылатых слов и выражений, данных в сборнике, преимущественно со стороны допущенных опечаток, ошибок в написаниях, неточностей в толкованиях или недостаточно удачного (с точки зрения автора отзыва) подбора иллюстраций и т. п.

Ряд замечаний относится к той неполноте, с какой, по мнению рецензента, поданы в сборнике те или иные крылатые слова или их значения. Например, по поводу выражения *Ба! Знакомые все лица* (стр. 30) автор отзыва пишет: «...ядовито звучат в жизни строки Грибоедова. В сборнике же ничего нет о смысле, о „соли“ этого крылатого слова, а приведенные цитаты совсем пресны». Или по поводу выражения *дачный муж* (стр. 149) в отзыве читаем: «Объяснение хорошо, а цитата из Мамина-Сибиряка бледна, художочна». «Стоит пожалеть, — замечает М. И. Имшенин, — что в своей трактовке понятия *Дон-Кихот* (стр. 169) авторы почти совсем опустили гуманный аспект этого высокого социально-морального облика». Подобные же замечания даны к стр. 21, 27, 79, 112 и многим другим.

Рецензент привел более двадцати примеров недостаточности или даже полного отсутствия литературных ссылок к данным в сборнике выражениям. М. И. Имшенин указывает также на ошибочность трактовки в сборнике некоторых выражений, на неправильность раскрытия значений отдельных крылатых слов, на недостатки переводов, на ошибки в ссылках. Например: «Совершенно неверно, — пишет он, — что выражение *избиение младенцев* применяется только по отношению к детям: как крылатое слово, правда иронически, оно приложимо ко всем возрастам». Или: «Вольно поступают авторы, когда в выражении *Ab ovo ad mala* слово *mala* вместо *яблоков* переводят *фруктов*». «Не совсем точно, — отмечается в отзыве, — передается и легенда о Нарциссе, который „умер“ не „от тоски“, а был превращен в цветок богами за отказ от любви богини Эхо» (стр. 355). Свыше двадцати указаний сделано М. И. Имшениным и об опечатках в написании отдельных русских и латинских слов (например, стр. 15, 23, 86, 130, 159, 288, 292, 310 и др.).